

ОН ПРИЕХАЛ в Москву из далекой алтайской деревни. Поздним вечером прямо с вокзала направился в ГИТИС. Переночевав на скамье институтского сада, утром толкнулся в первую попавшуюся дверь. Там давали консультацию для поступающих в институт на отделение музыкальной комедии... Так он стал артистом.

Позднее в одном из интервью признался: «Другой профессии не знаю. Не представляю себя в другой. Родился артистом. Ничего другого не умел и не умею, за что не нравлюсь теще. Даже то, что ходил на костылях почти до десятого класса, не оставило, потому что ВЕРИЛ. Даже то, что некоторые учителя называли «гадким утенком», не советовали, не удержало. Профессия пришла раньше осознания, с первым криком в родильном доме. С двух-трех лет за песни, что научила мать, брал мзду — молоко, мед... Поэтому считаю себя ПРОФЕССИОНАЛОМ с тех пор, как себя помню...»

Мы знаем его роли на сцене театра — Грушницкий в «Герое нашего времени», Водонос в «Добром человеке из Сезуана», Андрей Находка в «Матери», лирический Маяковский в «Послушайте!», мятежный Пушкин в «Товарищ, верь...» Мы любим его работы в кино — Петя Трофимов в «Пакете», милиционер Василий Сережкин в «Хозяине тайги» и «Пропаже свидетеля», гусар Егорюшка в «Цветях запоздалых», герой картины «Бумбараш», Лутоня в «Царевиче Проше»... И почти все эти люди, в общем-то очень разные, поют. Хорошо поют. Недавно мы еще больше поняли Валерия Золотухина, прочитав его маленькую повесть «На Исток-речушку к детству моему». Там в каждой строчке — тоже песня, даже если разговор о песне вроде бы и не идет. И, наверное, совсем не случайно каждую главку предвосхищают строчки из народных песен, каждая имеет как бы свой запев...

— Валерий Сергеевич, вы замечали, что молодые люди, собираясь на вечеринки, сейчас поют редко? В лучшем случае — под гитару самодельные сочинения весьма сомнительного качества. А в основном подходят к музыке потребительски — крутят магнитофонные ленты... Ни народных песен, ни песен, которые в тридцатые—сороковые годы так любили их отцы, они зачастую просто-напросто не знают...

— Наверное, многое тут зависит от родителей, от окружения. Откуда моя любовь к песне? Видимо, от папы с мамой, от маленького села Быстрый Исток... В деревне вообще поют больше, чем в городе, потому что развлечения, разные «культмероприятия» не столь обильны. Когда со всех сторон — телевизоры, радиолы, магнитофоны, которые буквально обрушивают на тебя бурные потоки мелодий — от Вертинского до Магомаева, от Тома Джонса до Кобзона, то, потребляя все это без всякого разбора, сам петь невольно учишься.

У нас дома было иначе. Собирались гости. «Любезная хозяйюшка, пусти нас почевать...» — начинала мама, и мужики подхватывали и уходили в вьюсь невозможную. «Узнай, узнай ли, да хозяйюшка, ты мужа своего, а еще

узнай ли, да хозяйюшка, ты сына своего...». Отец в песнях всегда верховодил, никто с ним не мог вытянуть. Он знал это, хитро подкрадывался к верхней ноте и, как нож в скотину, вгонял осатапельный звук в уши остальным. Часто грозился: «Если кто скажет, что я плохой председатель, прошу ему, но если кто скажет, что я плохо пою...». Что было бы тогда, к счастью, испытать никому не довелось...

— Есть ли у вас какое-то особенно острое воспоминание, связанное с песней?

— Мой дядька, Иван Федосевич Шелепов, потерял на войне ногу. Однажды он мне расска-

У МЕНЯ ЕСТЬ ПЕСНЯ...

Воскресный гость
«Смены» — артист
Московского театра
драмы и комедии
на Таганке
Валерий ЗОЛОТУХИН

зал: «Лежу в госпитале — не ем, не пью, ничего не слышу, никому не отвечаю. Одна мысль в голове: кому я, обезноженный, нужен?.. Выйду из госпиталя, камень на шею и — в реку... И вдруг слышу по радио: «Степь да степь кругом, путь далек лежит...». Лемешев... Впяввался в меня этот голос и не отпускает. Не помню, за сколько суток первого человека расслышал... Какая же благодарность моя Сергею Яковлевичу, что он меня жить оставил!.. И потом дядя Иван добавил: «Вот, если хочешь быть артистом, спой мне «Степь да степь кругом», как Сергей Яковлевич Лемешев, — чтобы жить еще больше захотелось». Я сказал: «Дядя Ваня, про степь слова я не до конца знаю, я про войну спою, про то, как шумел сурово Брянский лес...». И, когда закончил, дядя Ваня погладил меня по плечу: «Пой всем, кто попросит, не жаль себя, тогда тебя хватит...».

— Вы что же, специально старинные песни разыскиваете, записываете?

— Да нет, совсем не так! Ничего я не отыскиваю и не записываю, и никакой я не особый их знаток. У меня совсем иная профессия. Конечно, если вдруг слышу хорошую неизвестную песню, стараюсь ее запомнить. Вот на съемках «Хозяина тайги» в Красном крае услышал: «Не было ветра, не было ветра, да вдруг навело. Не было гостей, не было гостей, да вдруг наехало...» И она вошла в фильм... Существует огромное количество академических изданий разных народных песен, раскрывая сборник и пой. Но выучить слова и мелодию — это еще далеко не все. Песню надо сделать. Нужно так ее почувствовать, чтобы она сама словно кровь из тебя вылилась. Ведь каждая народная песня имеет свой характер, свой драматический сюжет. И возникает она, как правило, в момент высокого эмоционального духовного напряжения.

Еще в детстве потрясли меня тургеневские «Певцы». Только обидно было за Яшку Турка: почему писатель оставил его в кабачке, не послал учиться в консерваторию? И вдруг спустя годы я играю этого Яшку в кино! В фильме, который назывался «Жизнь и смерть дворянина Чертопанова», как и в кино, звучит песня «Не одна в поле дороженька пролежала...». Вариантов этой песни существует очень много. Специально для нашей

картины крупнейший московский фольклорист профессор Вячеслав Михайлович Шуруп из нескольких вариантов составил наиболее подходящий, и уже потом этот вариант я задел на свой лад, как мне бог положил на душу. (Помните, у Тургенева: «Пой, Яшка, как тебе бог подскажет...»). Это уже была МОЯ песня...

Или «Горят пожары». Все разводит руками: «Ну где ты ее выкопал?». Да нигде не выкапывал. Песня известная, ее даже исполняет хор имени Пятницкого. Но, видимо, ничего в ней не открыл, поэтому песню никто и не запомнил... Хоры, на мой взгляд, порой оказывают народную песню медвежью услугу, поскольку такая песня чаще всего по своему характеру исповедальна, интимна. Когда же разом исповедуются сто человек, что-то в этой исповеди неминуемо пропадает.

— Согласитесь, что с театром вам в этом смысле тоже повезло. Очень уж «поюший» у вас театр...

— Да, музыкальному строю спектакля Юрий Петрович Любимов значение придает колоссальное. Он вообще не представляет себе драматического действия без музыкальной, ритмической основы. «А зори здесь тихие...», например, целиком построены на народных мотивах. Любимов и композиторов привлекает далеко не всяких, а только тех, кто близок нашей специфике, скажем Юрия Буцко. И каждый артист у нас приносит со стороны много мотивов, песен, а некоторые, как Иван Дыховичный, пишут песни сами...

Страсти вокруг музыки разгораются в театре страшные. Например, такой случай. Юрий Петрович предложил мне записать для спектакля «Бенифис» песню «Во субботу, день ненастный...». Разучил ее, а как петь, не знаю. То есть напеть, конечно, ничего не стоит, но вот не чувствую, первая какого-то не ощутил... Короче говоря, на запись не явился. Любимов сделал мне замечание и назначил запись на завтра. Но и на этот раз я не пришел: ускользает от меня песня — хоть плачь,

никому этого не объяснишь. Юрий Петрович даже рассердился: чего, мол, дурака валяешь, становись и пой! В общем, схлопотал я выговор. И только через несколько дней, когда сердце что-то такое почувствовало, остались мы с Миронычем, нашим радистом, после спектакля и ночью в пустом театре принялись за дело. Может кому-то эта запись и не понравится, но для самого меня она в тот миг была как откровение. Просто был оглушен своей песней. Знаете, когда глухари на заре поют, они ничего-ничего не слышат — вот и я тогда, кажется, был вроде такого глухаря.

Утром, прослушав запись, Любимов сказал: «Молодец». Он не знал, что в ту ночь я так и не ушел из театра и сейчас с темной галерки слышу его слова. Пожалуй, это был один из самых счастливых моментов в моей жизни...

Ни один спектакль не играю с таким упоением, как «Товарищ, верь...». В этот вечер забываю обо всем, для меня существует только Пушкин, только его стихи, только музыка. Ведь он очень любил и гитару, и цыган, и Россини — вот и звучат у нас мелодии от Россини до Окуджавы, вот и вырывается такое искреннее для нашего современника: «А все-таки жаль, что нельзя с Александром Сергеевичем поужинать, в «Яр» заскочить хоть на четверть часа...». А песни Дыховичного, которые там у нас тоже звучат, — это не законченные музыкальные номера, это скорее эмоциональные пятна, вкрапленные в спектакль.

— Любимов — ваш постоянный руководитель. А как кинорежиссеры учитывают вашу «певческую» специфику?

— К сожалению, учитывают сверх всякой меры. Выбирая меня на роль, режиссер, увы, прежде всего думает: он поет, надо это использовать... К «поющему» актеру отношение какое-то снисходительное. Допустим, снимают «Преступление и наказание». Может, пригласить Золотухина? Да нет, там же петь нечего... А я вовсе не певец, я — артист.

— Интересно, как на Алтае, в Быстром Истоке, относятся к столь громкой популярности своего земляка?

— Земляки — народ требовательный и сдержанный. Дотошно разобрали в клубе мою повесть, а потом отписали: что — так, что — не так... Дмитрий Федорович Боровников, например, высказался весьма решительно: «Никакого таланта у Валерки сроду не было, а поступил он в институт только потому, что была у него медаль за целину». Письма приходят разные. Храню их бережно. Вот одно, от тетки Вассы: «Ходили мы в кино — по Чехову, с тобой... Нам всем очень понравилась картина. Хорошо поставлена. А какое богатство показано — где брали, напиши, и где снимали. Но у тебя в роль... Ох, ну и ну... Как это можно после таких серьезных ролей, как в прошлых фильмах, и играть... такого пьяницу? Но очень уж ты худой на тело. Когда врач тебя лечил, я это сразу заметила. Приезжай, племянничек, я тебя подкормлю, как раньше, сырчиками из простакши...».

— Ну а маленький Дениска тоже поет?

— Поет. В театре утверждают, что даже лучше, чем отец.

Беседу вел
Л. СИДОРОВСКИЙ

Фото М. Ширмана